

По прогнозам синоптиков, на город В надвигалась небывалая буря.

Тяжелые, словно налитая водой вата, тучи низко нависли над самым горизонтом.

Дождь все не начинался, и в застывшем воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения. Мир словно замер.

Оглушительный вой пожарных сирен разорвал полуденную тишину — машины с ревом неслись в сторону пригорода.

В этот момент резиденция семьи Сун была объята яростным пламенем. Зарево пожара окрасило небо в багровые тона, а в вышине клубились и бурлили иссиня-черные тучи ядовитого дыма.

Едва выйдя из машины, старший сын семейства, Сун Хэнсюань, ошарашенно замер. Лицо его искажилось от ужаса. Расталкивая зевак, он бросился вперед и мертвой хваткой вцепился в осевшего на землю Сун Си. Встряхнув его за шиворот, он рявкнул:

— Почему ты один?! Где отец и мать? Где они?!

Сун Си, дрожа всем телом, указал на охваченный огнем особняк:

— В-внутри... Они все остались внутри...

Обычно сдержанный и рассудительный Хэнсюань сорвался на отборную брань. Схватив стоявшее рядом ведро с водой, он опрокинул его себе на голову и уже готов был ринуться в пекло, когда подоспевший вовремя второй брат, Сун Юйцин, вместе с очевидцами мертвой хваткой вцепился в него.

— Ты с ума сошел?! Куда тебя несет, прямо в огонь?!

Сун Хэнсюань окончательно потерял самообладание:

— Пусти, твою мать! Там наши родители!

— И Сун Сюньнань... — пролепетал побелевшими губами Сун Си. — Он тоже там...

При упоминании этого имени все присутствующие мгновенно умолкли.

— Он... он спасет маму с папой? — едва слышно выдохнул Сун Си.

Никто ему не ответил.

Раньше, пожалуй, он бы не раздумывая бросился на помощь. Но нынешний Сун Сюньнань... Смешно даже думать об этом.

Сун Юйцин пропустил его слова мимо ушей. С его лица, обычно озаренного мягкой улыбкой, мгновенно сошло всякое выражение, уступив место ледяной маске.

— Тебе нельзя туда соваться, — быстро проговорил он. — Мы с Четвертым проверим, что там. Будем держаться у входа. Вдруг отец с мамой уже пробираются к выходу?

Он потянул за руку съежившегося на земле Сун Си:

— Четвертый, давай...

— Нет, я не пойду! — Сун Си с силой оттолкнул руку брата и истошно закричал: — Я туда не полезу! Там же остался Сун Сюньнань! Вот пусть он их и спасает! Он ведь так отчаянно жаждал признания семьи? Если вытащит родителей — наконец-то получит то, чего хотел!

Сун Юйцин ошеломленно воззрился на вжимающегося в землю брата, словно видел его впервые в жизни. Когда шок прошел, его голос задрожал от гнева:

— Сун... Си! Ты хоть понимаешь, какую чушь сейчас несешь?!

Пожарные и скорая задерживались, а в такие минуты секунды решали всё.

Стиснув зубы, Сун Юйцин рванулся прямо к пылающей вилле.

Однако едва он приблизился к зданию на несколько метров, как вынужден был остановиться.

Нестерпимый, обжигающий жар бил в лицо, мешая дышать. Но сквозь стену бушующего пламени внезапно проступил силуэт. Медленно, но удивительно твердо человек приближался к выходу.

На плечах он тащил мужчину — главу семейства Сун.

— Сун... Сун... Сяо Нань? — потрясенно выдохнул Сун Хэнсюань.

Они так давно не называли его этим ласковым домашним именем, что оно прозвучало неловко и чуждо.

Сун Сюньнань никак не отреагировал. Он молча перевалил ношу на руки подскочившему Сун Юйцину и хриплым, сорванным от едкого дыма голосом бросил:

— Держи.

Он развернулся, собираясь уйти, но кто-то вцепился в край его обгоревшей куртки.

— Сяо Нань... Ты куда?! — раздался испуганный, дрожащий голос.

— Там осталась госпожа, — Сун Сюньнань безжалостно разжал державшие его пальцы. — Отпусти.

Сун Юйцин так и застыл на месте, провожая его взглядом. Сун Сюньнань снова скрылся в бушующем пекле, чтобы через несколько бесконечных минут вынести на себе госпожу Сун.

— Госпожа!

— Это госпожа! Она жива!

Толпа тут же хлынула к ним.

Опустив женщину на траву, Сун Сюньнань рухнул на одно колено. Силы окончательно покинули его. Он согнулся пополам, сипля и судорожно хватая ртом воздух — дыхание вырывалось из его обожженной груди со свистом, похожим на хрип старых кузнечных мехов.

На нем живого места не осталось от ожогов, но взгляд, лихорадочно блестевший в отсветах пламени, оставался твердым. Резко отмахнувшись от протянутых к нему рук, он упрямо поднялся на ноги.

Окинув долгим, тяжелым взглядом лежащих на земле членов семьи Сун, он спокойно повернулся лицом к полыхающим руинам.

Сун Хэнсюань, прижимавший к себе мать, почувствовал, как сердце уходит в пятки от дурного предчувствия.

— Сун Сюньнань! Ты что творишь?! Стой!

Но тот даже не обернулся.

— Сяо Нань, умоляю тебя, не надо! Вернись!

— Да держите же вы его! Быстрее!

— Сяо Нань... не уходи... Скажи, чего ты хочешь? Мы все для тебя сделаем... сынок, умоляю, вернись...

Это едва слышно лепетала пришедшая в себя госпожа Сун.

У самого порога объятых пламенем дома Сун Сюньнань замер.

Он стоял спиной к ним, молча глядя на то, как огонь пожирает знакомую мебель. В его памяти вспыхивали обрывки воспоминаний.

Прямо у его ног лежал расколотый вазон. Цветы в нем давно обратились в пепел. А ведь он помнил эту вазу. Раньше госпожа Сун часто приносила охапки цветов из сада, ставила их сюда и с нежной улыбкой спрашивала: «Ну как, Сяо Нань, тебе нравится?»

Три года пролетели как один миг.

И теперь он даже не мог вспомнить, что тогда ей отвечал.

Сун Сюньнань смотрел на бушующий пожар пустым, остекленевшим взглядом. Никакие призраки прошлого больше не могли задеть его душу.

Не оборачиваясь, он произнес ровным, глухим голосом, лишенным прежней детской привязанности и тепла:

— Теперь я вам ничего не должен.

— Сяо Нань!

Вывавшись из рук второго сына, госпожа Сун рухнула на колени и поползла вперед. Ее ногти скребли сырую землю, она отчаянно тянула руки к уходящему парню, силясь ухватиться хотя бы за тень.

Но проползти ей удалось лишь пару шагов — силы оставили ее, и она безжизненно распласталась в грязи.

— Брат...

Сун Сюньнань хладнокровно шагнул в самое сердце ревущего ада. Его высокий силуэт мгновенно поглотила багровая стена пламени.

— Нет!

— Сун Сюньнань!!

Вокруг разразился хаос. Кто-то истошно выл, захлебываясь слезами, кто-то рвался в огонь, но прибывшие наконец спасатели грубо оттаскивали обезумевших людей назад.

Настоящий фарс.

Огонь пожирал всё на своем пути.

Ослепительная вспышка молнии раскроила свинцовое небо, и над землей прокатился оглушительный раскат грома.

Застывшие в глухой пробке водители опускали стекла и, ловя ладонями первые тяжелые капли, удивленно качали головами:

— Полил-таки...

Обещанный ураган наконец обрушился на город, словно пытаясь смыть с лица земли всю ее вековую грязь и скверну.

— Молодой человек, эй, очнитесь!

— Пожалуйста, не спите здесь.

— Может, поищем у него телефон? Наберем кому-нибудь, пусть заберут.

Сун Сюньнань пришел в себя от настойчивой тряски. Над самым ухом назойливо жужжали чьи-то голоса.

Каждое сочленение ныло, словно кости перемололи в труху. В носу все еще стоял невыносимый смрад паленой плоти, а по коже словно бежал расплавленный металл. Но в следующее мгновение это ощущение сменилось ледяным ознобом. Его словно швырнули в ледяную воду и завертели в центрифуге.

Резкий контраст жара и холода заставил сознание окончательно проясниться.

Кое-как разомкнув веки, Сун Сюньнань с трудом сфокусировал взгляд.

— О, очухался! Парень, наше заведение закрывается. Шел бы ты спать домой, а?

Яркие неоновые огни безжалостно резанули по глазам. Немного проморгавшись, он понял, что сидит за стойкой бара, а тормозит его местный бармен.

«Я что... сплю?»

Не успел он додумать эту мысль, как к горлу подкатил тяжелый, удушливый ком. Сюньнань резко согнулся и зажал рот ладонью.

Бармен, наметанным глазом мгновенно оценив ситуацию, торопливо указал в угол:

— Туалет вон там, быстрее!

Кое-как добежав до двери, Сюньнань ворвался в кабинку. Его рвало долго и мучительно, пока в желудке не осталось ничего, кроме желчи.

Упираясь ослабевшими руками в край мраморной раковины, он через силу прополоскал рот и плеснул в лицо ледяной водой. Но едва он вскинул голову и взглянул на свое отражение, как оцепенел.

Из заляпанного стекла на него смотрел молодой парень.

Влажная челка небрежно спадала на четко очерченные брови. Красивые, миндалевидные глаза с чуть приподнятыми уголками придавали лицу хищную, почти вызывающую привлекательность.

Однако пережитый приступ тошноты оставил на бледном лице следы изнеможения. Глаза, подернутые влажной дымкой, и склеившиеся мокрые ресницы лишали этот взгляд былой остроты, делая его обманчиво беззащитным.

После бессонной ночи белоснежная рубашка сильно помялась, а узел дорогого шелкового галстука съехал набок. Верхние пуговицы были расстегнуты, открывая взгляду очертания ключиц и неестественно бледную кожу.

«Этот галстук...»

Сюньнань судорожно вскинул руку, разглядывая рукав.

Его догадку подтвердила изящная запонка, тускло мерцавшая глубоким сапфировым светом под лампами уборной.

Именно так он был одет на праздновании своего двадцатиднолетия.

Эту запонку ему преподнес старший брат, Сун Хэнсюань. Помня об этом, Сюньнань тогда так обрадовался подарку, что тут же снял свои прежние и прикрепил эту.

Сейчас это воспоминание вызывало лишь глухую тошноту.

В кармане брюк зажужжал мобильный. Сюньнань, словно заведенная кукла, одеревенелыми пальцами выудил аппарат и лишь со второй попытки умудрился снять блокировку.

На экране светилось имя «Хоу Второй». Сюньнань, не раздумывая, сбросил вызов.

Он перевел взгляд на верхний угол дисплея, где светились цифры:

21 апреля 2035 года. 04:32.

Он переродился.

Вернулся назад во времени — в ночь сразу после злополучного дня рождения.

Сюньнань попытался улыбнуться. Губы не слушались, но через силу он все же выдавил из себя хриплый смешок, который быстро перерос в безумный хохот:

— Ха-ха... Ха-ха-ха-ха-ха!

Смех разносился под кафельными сводами, становясь все громче, но за этим безумием скрывалось глубокое, невыплаканное отчаяние.

Редкие посетители и персонал бара испуганно переглядывались. Какой-то парень, намеревавшийся зайти в туалет, поспешно попятился назад, решив перетерпеть. Кто его знает, что там за буйный алкаш заперся?

«Напьются и бесятся в уборных, придурки...»

Но Сюньнаню было плевать на чужое мнение.

Наконец смех утих, сменившись тяжелым, прерывистым дыханием. Опершись на раковину, он

застыл, опустив голову. Сквозь тонкую ткань рубашки остро проступили худые лопатки, очертаниями похожие на сложенные крылья пойманной бабочки. Вся его поза дышала беспросветной усталостью.

Вся его жизнь оказалась одной затянувшейся шуткой.

Он приложил столько сил, чтобы оборвать этот кошмар, но судьба со смешком швырнула его обратно в исходную точку.

Двадцать первый день рождения — день, когда все полетело к чертям.

Момент, положивший начало его мучительному падению в бездну безумия семьи Сун.

Сюньнань медленно поднял голову.

В ту ночь юный барчук, только что узнавший грязную правду о том, что он — всего лишь подкидыш, занявший чужое место законного наследника, в ужасе сбежал с собственного праздника. Он забился в первый попавшийся грязный бар и пил до беспамятства.

Глаза парня в зеркале были воспаленными и красными — видать, проревел всю ночь напролет.

«Не то что я сейчас...»

Сюньнань хладнокровно поймал собственный взгляд. Способен ли он вообще теперь плакать?

Даже когда он прокручивал в голове кошмары прошлой жизни, внутри не шевелилось ровным счетом ничего. Полное, выжженное равнодушие.

Их отношения с семейством Сун давно превратились в безнадежный долг, где на каждой странице горели кроваво-красные цифры невосполнимого дефицита.

Жаль, что в прошлой жизни ему понадобилось целых три года страданий, чтобы осознать эту простую истину.

Сюньнань до побелевших костяшек вцепился в мраморный край раковины. Его чистые, словно промытые водой глаза лихорадочно блестели.

Но за этой красотой крылся могильный холод, пробиравший до самых костей.

Он потерял счет времени и очнулся лишь тогда, когда снаружи требовательно крикнули, что заведение закрывается.

Спешно приведя одежду в порядок, Сюньнань покинул уборную, расплатился по счету и, сухо отказавшись от помощи встревоженного бармена, вышел на улицу.

Сырой ночной воздух мигом выветрил хмель и остатки тепла. Промозглый весенний ветер трепал воротник его тонкой рубашки, забираясь под одежду и ледяной змейкой устремляясь вдоль позвоночника.

В кармане снова зажужжал телефон, но Сюньнань упрямо игнорировал вызовы. Мысли путались, и ему не хотелось говорить ни с одной живой душой.

Однако звонивший оказался на редкость настойчив. Смартфон вибрировал без остановки.

Лишь когда звонок сорвался и пошел по третьему кругу, Сюньнань нехотя вытащил трубку из кармана.

На дисплее светилось лаконичное: «Старший брат».

Он задумчиво разглядывал экран несколько секунд, а затем неторопливым движением провел пальцем, принимая вызов.

Из динамика донесся стальной, едва сдерживающий ярость голос Сун Хэнсюаня:

— Сун Сюньнань, ты где шляешься? Живо домой!

<http://bllate.org/book/19928/1973630>